
ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Новое консервативное большинство как социально-политический феномен¹

Л.Г. БЫЗОВ*

***Бызов Леонтий Георгиевич** – ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: leontiy13@mail.ru

Общий тренд в сторону актуализации консервативных ценностей начал отмечаться со второй половины 1990-х годов, однако вплоть до 2012 г. эта тенденция во многом смягчалась сохраняющимся сильным влиянием либеральных ценностей как в обществе, так и в большей степени – в политических элитах. Большинство, на которое опиралась власть, было скорее центристским, государственным, тогда как более радикальные группы и либералов, и консерваторов были вытеснены на политические фланги, и их влияние представлялось минимальным. В последние два года началась стремительная поляризация общества, во многом спровоцированная сверху под влиянием протестной активности зимы 2011–2012 гг. Оформилось новое консервативное большинство с ярко выраженными консервативно-государственными ценностями, ставшее новой опорой власти. События вокруг Украины и Крыма продемонстрировали готовность этого большинства поддержать радикальные действия по расширению «русского мира» и не менее решительную антизападническую риторику.

В статье на материалах опросов, проведенных ИС РАН и ВЦИОМ, исследуются идейный и социальный генезис консервативного большинства, его внутренняя неоднородность, место в нем националистов, электоральные симпатии и политические установки. В частности, делается вывод о двойственном характере ценностей нового консерватизма, когда за его фасадом скрывается вполне адаптивное к современности общество массового потребления, не являющееся консервативным по своему образу жизни. Исследуется динамика ценностных трендов за последние 2–3 года, показывающая высокую устойчивость основных ценностных расколов, характеризующих современную Россию.

Ключевые слова: консерватизм, консервативное большинство, ценностный раскол, политический радикализм, средний класс, общество массового потребления, парадные ценности, электоральные установки

¹ В статье использованы материалы исследовательского проекта «Гражданский активизм и самоорганизующиеся практики: новые реалии» при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00707).

Консерватизм или традиционализм? Содержательные характеристики нового консервативного большинства

Более десяти лет автор отслеживает ценностную эволюцию российского общества. Среди прочих тенденций, еще в 2001–2002 гг., был выделен феномен неоконсервативной волны [Бызов 2010; Бызов 2002], тогда еще многими не признававшийся в качестве магистрального. Сегодня же дискуссии о консервативном большинстве ведутся и политиками, и экспертами как о доминирующем в обществе тренде. Но при этом, если в начале 2000-х гг. феномен неоконсервативной волны связывался с ценностной унификацией, преодолением идеологического раскола, формированием ценностного синтеза, то в настоящее время, спустя десятилетие, противопоставление этого большинства либеральному меньшинству «оживляет призраки» времен жесткого ценностного раскола, поляризации, характерные для предшествующей политической эпохи.

Во избежание недоразумений следует сразу предупредить читателя, что проблеме консерватизма, неоконсерватизма, других идеологических течений, распространенных в постсоветской России, мы рассматриваем исключительно в рамках феноменологического подхода. Существует общественное явление, сильно влияющее на процесс развитие общества, и это явление носит черты консерватизма. Оно сильно отличается от классического консервативного массового сознания, многократно описанного в XX в. К. Манхеймом и его последователями, привязывавшими консервативную идеологию к определенным социальным стратам и сословиям. Впрочем, сам К. Манхейм, не доживший до окончательного формирования общества массового потребления, предвидел, что придет эпоха, «...когда подлинный консерватизм утратит свои социальные корни и приобретет рефлектирующий характер, возникнет проблема его трансформации в городское интеллектуальное течение с собственными фиксированными максимумами и методологическими прозрениями» [Манхейм 1994]. Как отмечает исследователь русского консерватизма Э.А. Попов, «в России носителями модернистских (прогрессистских) идей, позднее развившихся в либеральную и социалистическую идеологии, стали космополитизированные слои русского общества, прежде всего, дворянство и бюрократия. Соответственно, носители традиционной культуры с большой вероятностью являлись сторонниками консервативной идеологии» [Попов 2005]. В сегодняшней России наблюдается все меньше традиционной культуры и все больше того состояния, которое с большими оговорками все же можно назвать «новым русским консерватизмом» или, по крайней мере, чем-то очень на него похожим. В чем же его генезис и почему в России, где еще несколько лет назад говорили только о модернизациях и инновациях, консервативная волна плотно возглавила все политические и социальные процессы?

Все это заставляет еще раз вернуться к анализу феномена нового русского консерватизма с учетом результатов исследований, выполненных при участии автора в последние несколько лет. В них анализировалась и проблема ценностных расколов общества, самым значимым из которых явился раскол на консервативное большинство и либеральное меньшинство, ставший своего рода фантомом российской внутренней политики начиная с 2012 г. Важно также обсудить вопрос о том, в какой степени это консервативное большинство может стать в стратегической перспективе базой для новой национальной субъектности, о чем сегодня нередко

приходится слышать, в том числе и из уст самых высокопоставленных руководителей страны. Многочисленные эксперты уже давно называли В.В. Путина лидером новых консерваторов, и в своем Послании ФС президент это обозначил. «Владимир Путин решительно выступил в защиту консервативных ценностей, благодаря которым Россия сможет противостоять идущему с Запада размыванию норм морали и “хаотической тьме средневековья”» [Послание президента Федеральному собранию 2013]. Среди части интеллектуальной элиты страны все прочнее укрепляется мнение, что опорой нынешней власти является консервативная периферия российского общества, численно в разы превосходящая его либеральное городское ядро, которое часто называется в «патриотических» кругах «антисистемой», «пятой колонной», и даже РПЦ в апреле 2012 г. отслужило антилиберальный молебен [Молитвенное стояние в Москве 2012].

Что же можно ждать от представителей другого общественного полюса – консервативного большинства? В состоянии ли оно стать фундаментом нового национального единства и быть положено в основу постепенно формирующейся новорусской нации? Власть последние два года постоянно инициирует нарочито «реакционные» законопроекты, рассчитанные на успех у традиционалистов, и эта тактика себя вполне оправдывает. Так, по данным Электорального панельного исследования ВЦИОМ², в 2012 г. 58% россиян одобрили суровое наказание для участниц группы «Пусси Райот», и еще 27% – не столь суровое наказание; 78% поддержали принятие Закона о защите религиозных святынь; 72% – усиление государственного контроля над интернетом, 81% – закон, направленной против пропаганды гомосексуализма [Электоральная панель ВЦИОМ, 2013]³.

Из *таблицы 1* хорошо видно, что если консерваторы поддержали все перечисленные законы и процессы (кроме преследования оппозиционеров, где мнения разделились примерно поровну), то поддержка этих законов и процессов со стороны либералов значительно ниже, хотя и в этой группе у них достаточно сторонников, иногда превышающее 50%. А, скажем, поддержка группы «Пусси Райот» со стороны либералов составляет всего 4%, в своем большинстве они выступали за незначительное наказание (47%). В целом, по множеству пунктов различия между консерваторами и либералами весьма внушительны – до 30% и более, но все же не в разы, что оставляет место для политических полутонов. Следует обратить внимание и на то, что усиление политического влияния РПЦ, уголовные преследования оппозиционеров и в консервативном лагере не встречают такой однозначного отклика как иные знаковые события и процессы [Федоров 2013].

Стоит ли после этого удивляться тому обстоятельству, что, согласно проводившимся социологическим замерам, все принятые Государственной Думой законы антилиберальной направленности были вполне позитивно приняты общественным мнением? Уже только на основании приведенных данных до двух третей россиян (65–70%) вполне могут быть отнесены к консервативному большинству, которое в большей степени рассматривается в качестве опоры власти,

² Электоральная панель содержала 10 «волн», в течение 2011–2013 гг. с разным промежутком времени опрашивались одни и те же респонденты; в каждой волне – по 1800 чел.

³ Практически аналогичные цифры получены и ИС РАН, 1700 чел. [Мониторинг ИС РАН 2014]. Проект «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политической деятельности». Презентация проекта прошла в июне 2014 г. (Хамраев В. В россиянах копится гражданская активность. «Коммерсант», 24 июня 2014 г.)

что, видимо, отличает российский вариант консерватизма, который чаще всего связывается с охранительными позициями (хотя есть исключения, представляющие известных русских интеллектуалов консервативной направленности), в то время как, по мнению классика теории К. Манхейма, консерваторам полагается отдавать предпочтение идеям нации, а не поддержке актуального государства. Относительно немногочисленные городские либералы с их установками на модернизационное развитие по образцу Запада в этих условиях обречены на бессильные протесты, внутреннюю и внешнюю эмиграцию. Тренд неоконсерватизма, по замыслу тех, кто пытается найти в нем новую российскую идеологию, основывается на семейных, традиционных ценностях, государственничестве, патриотизме, державности, тяге к порядку и стабильности. В этот тренд прекрасно вписались и события на Украине в начале марта 2014 г., когда и В.В. Путин, и большая часть близких к Кремлю элит почувствовали вкус «собрателей русского мира» в то самое время, когда собственно «русский мир» внутри самой России отесняется современной массовой культурой на самую глубокую периферию ее жизни. Важный вопрос, который собственно говоря, и является предметом настоящей статьи, состоит в том, адекватно ли культурное состояние самого общества этому тренду, что здесь органично, а что навязано политиками и политтехнологиями.

Таблица 1. Отношение россиян к некоторым знаковым политическим процессам и событиям 2012–2013 гг.

События и процессы	Мнения	Всего	Консерваторы	Либералы
Дело группы «Пусси Райот»	<i>Считаю, что участницы этой группы совершили преступление</i>	57	65	37
	<i>Считаю, что участницы совершили незначительное правонарушение</i>	27	23	47
	<i>Поддерживаю действия участниц группы, сочувствую им</i>	2	1	4
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	14	10	12
Принятие закона о защите религиозных святынь	<i>Поддерживаю принятие такого закона</i>	78	87	59
	<i>Не поддерживаю принятие такого закона</i>	10	5	30
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	12	8	11
Принятие закона об усилении государственного контроля над содержанием сети	<i>Поддерживаю принятие такого закона</i>	71	80	45
	<i>Не поддерживаю принятие такого закона</i>	15	6	42
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	14	14	13
Усиление политического влияния РПЦ	<i>Скорее поддерживаю</i>	38	42	31
	<i>Скорее не поддерживаю</i>	28	22	41
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	34	0	28
Уголовные преследования участников оппозиционного движения (А. Навальный, С. Удальцов и другие)	<i>Скорее поддерживаю</i>	31	36	22
	<i>Скорее не поддерживаю</i>	39	35	59
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	31	29	19

На этот вопрос даются разные ответы. Некоторые культурологи и публицисты видят в анализируемом феномене признаки глубокого цивилизационного раскола, проходящего через всю русскую историю, в разные времена принимавшего форму противостояния староверов и никонианцев, Москвы и Петербурга, западников и славянофилов. Как часто утверждает кинорежиссер и философ А.С. Кончаловский, «архаическое сознание сохранилось в России до сегодняшнего времени, и большая часть населения нашей страны до сих пор живет в “добржужуазном” обществе. В этом смысле наше государство имеет больше общих черт с африканскими государствами, чем с европейскими. В России <... >: граждан нет, есть население». По мнению А.С. Кончаловского, этой архаической массе «противостоит немногочисленный слой, который славянофил Хомяков сравнивал с европейским поселением, заброшенным в страну дикарей. Все, что было создано за какие-нибудь двести лет, все, что повлияло и обогатило мировую культуру, было создано “малой” нацией русских европейцев» [Кончаловский 2013]. Кстати, примерно то же самое любят говорить и современные русофилы, правда, делая вывод с точностью до наоборот – в оценочном смысле. Рассуждения западника, сторонника европейского выбора А.С. Кончаловского очень похожи на правду. Но одновременно, как нам кажется, и упрощают эту правду, которая, если пытаться разобраться в ней с помощью практической социологии, оказывается более противоречивой и даже нелинейной. Есть и другая оценочная интерпретация возникшего раскола. Так, известный политолог С.А. Марков пишет: «...на сегодня произошло серьезное разделение общественной повестки дня, в рамках которой выделились активное меньшинство и молчаливое моральное большинство. Они совершенно по-разному смотрят на развитие страны. Например, активное меньшинство считает президента наемным менеджером, а молчаливое большинство думает, что президент должен быть отцом нации, который несет в массы определенную систему ценностей. Если активное меньшинство согласно с его частичным демонтажем для того, чтобы дать возможность больше реализоваться активному населению, то молчаливое моральное большинство требует сохранения этого социального государства и даже его становления в большей мере, полагая, что в 1990-е годы прошел уже достаточный его демонтаж, не приведший ни к чему хорошему. Если активное меньшинство выступает за свободу, за безвизовое общение с шенгенской зоной, то молчаливому большинству не нужна шенгенская виза, потому что они никуда не ездят и не собираются, им нужно восстановление традиционных отношений с нашими классическими союзниками, такими как Украина, Белоруссия, и уверены, что Запад заинтересован в ущемлении интересов России» [Марков 2012].

Можно посмотреть на ценностный раскол не с оценочной, а с географической позиции, как это делает Н.В. Зубаревич, которая связывает расхождение в ценностях и образе жизни современных россиян с региональным и поселенческими факторами [Зубаревич 2011]. По ее мнению, «Россия-1» – это города более 500 000 жителей; «Россия-2» – города более 50 000 жителей; «Россия-3» – города и села с населением менее 50 000 жителей; «Россия-4» – это республики, еще не прошедшие индустриализацию. Таким образом, по теории Н.В. Зубаревич, россияне, как единая нация, не сформировались и продолжают жить в нескольких параллельных социальных вселенных, взаимодействующих друг с другом лишь на формальном уровне. Это связано с тем, что жители «России-2» и «России-3» боятся радикальных перемен и голосуют за стабильность, к которой они привыкли. Население «России-2» очень сильно пострадало от безработицы в начале 1990-х гг.,

поэтому второй эпохи перемен ему не надо. Таким образом, вырисовывается уже более сложная «картина мира», в которой роль консервативной периферии выполняют «Россия-3» и «Россия-4», модернизационного меньшинства – «Россия-1», а «Россия-2» проявляет черты как того, так и другого.

В течение последних двух лет автор участвовал в нескольких масштабных исследованиях, проведенных Институтом социологии РАН [Горшков, Крумм, Тихонова 2013] и ВЦИОМ [Бызов 2013], одной из приоритетных целей которых и было разобраться во всех этих противоречиях как с более общих, так и с политически конъюнктурных позиций. Анализ результатов этих исследований в самом общем виде показал, что ценностный раскол действительно существует, однако он проявляется в наибольшей степени на уровне деклараций, вербальных характеристик, в меньшей степени – на уровне политических установок, и в самой незначительной мере – на уровне поведенческих моделей и мотиваций. Это означает, в частности, что внушительная часть консервативного большинства, своего рода «большинство в большинстве», характеризуется переходными чертами, при этом декларируемые ценности носят консервативный характер, политические установки чаще всего обретают конформистские контуры, а поведение (социально-экономическое и бытовое) совершенно типично для «нижних этажей» массового потребительского общества, и в нем сложно найти какие-то приметы глубокого традиционализма и характерных для него моральных парадигм.

Действительно, консерватизм и традиционализм – отнюдь не тождественные понятия. Как пишет философ А.А. Пелипенко, «...нередко упускает из виду, что историческая Русь/Россия постоянно меняла свою геополитическую конфигурацию, этнический состав, идеологические доктрины, не говоря уже о вариациях краткосрочных исторических конъюнктур» [Пелипенко 2013]. Главная же причина разложения «русской матрицы», по мнению философа, в духе индивидуализма, партикуляризма и частного интереса, который, проникая во все поры общественных отношений, вытесняет парадигму сопричастности к «большаку» (т.е. власти) и жертвенного служения делу империи. Этой же теме посвящена редакционная статья в газете «Ведомости». Как утверждает газета, «если классический консерватизм держится на персональной ответственности и правовом сознании как основе социального порядка, то в России он опирается на пассивное и сторонящееся ответственности большинство, не уверенное в своих правах и готовое жертвовать ими ради “порядка”» [Верховные консерваторы 2014]. Таким образом, можно сделать вывод, что российский консерватизм XXI в. представляет собой нечто противоположное консерватизму классическому. В обществе власть культивирует отношение к себе, как к подателю всех благ, отрицая автономные институты – опору консерватизма, т.е. формирует антиконсервативное общество; сверху же процветает свободный от ценностей популизм, позволяющий как угодно жонглировать словами.

В этой связи думается, что современная консервативная волна является не столько имманентной характеристикой российского общества, сколько его этапом. Общественная жизнь развивается по законам политического маятника: политический разогрев сменяется застоєм, слишком длительный застой снова делает востребованными перемены. Вот и нынешняя консервативная волна, длящаяся в России более пятнадцати лет, представляется в первую очередь реакцией общества на радикальные перемены, сопровождавшиеся политической смутой, разрушением государственных и общественных институтов, имевших

место на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Как это показано автором настоящей статьи, еще в самом начале 2000-х гг., «после периода “революционной смуты” в умах тяготы радикализма и постепенное стирание из памяти характерных черт старого режима приводят к накоплению социальной усталости и усилению ностальгических настроений по прошлому. Процесс выхода из революции есть процесс укрепления государственной власти, что предполагает постепенное сближение позиций различных элитных групп, формирование консервативного консенсуса по базовым ценностям общественной жизни» [Бызов 2001]. Этот консенсус проявляется в доминировании практически во всех группах общества таких ценностей, как порядок, социальная справедливость, сильное государство, держава. Причем эту сложившуюся иерархию ценностей не могут поколебать никакие конъюнктурные политические процессы и события. Исследование, проведенное ВЦИОМ 10 лет назад при участии автора [Бызов 2005], выявило такие лидирующие ценности, которые, по мнению опрошенных, способны объединить страну в общество «нового порядка»: это стабильность (44%), законность и порядок (37%), сильная держава (35%), справедливость (24%). При этом картина «общества идеала» не носила мобилизационного характера, выделенные цели не требовали жертв и напряжения, скорее, наоборот, это было общество покоя и достатка, причем «покой» в широком смысле слова оценивался даже выше, чем созидательные цели, такие как упорный труд, богатство и процветание, прогресс и развитие. Россияне к тому моменту устали от необходимости постоянно «крутиться» и рисковать, им хотелось гарантий – как социальных, так и безопасности. Консенсусной ценностью, объединившей самые разные группы общества, стал и патриотизм, признание особого пути России (в него верили более 70% опрошенных россиян). В 2014 г., согласно результатам мониторингового исследования ИС РАН, 60% опрошенных заявляли о своей неготовности к каким бы то ни было жертвам во имя какой бы то ни было «великой цели», за исключением безопасности лично себя и своих самых близких [Мониторинг ИС РАН 2014].

Спустя почти семь лет после исследования в ходе Электорального панельного исследования ВЦИОМ, на которое мы уже давали ссылку, большая часть ключевых групп общества, различных по своей идеологической ориентации, на первое место ставила порядок, а справедливость – на второе. Высокое место во всех группах занимала ценность стабильности, причем, что обращает на себя внимание, в протестных, не довольных властью группах, это проявлялось даже в большей степени, чем в лоялистских, готовых поддержать власть. Групп, выступающих за революцию, перемены, связанные с риском нестабильности, в обществе практически обнаружено не было. Таким образом, парадигмы консервативного и умеренно-консервативного сценариев продолжают доминировать в общественном сознании в целом. Как видно из *таблицы 2*, пожалуй, лишь относительно небольшая группа протестных либералов, выступающих против власти, составляющая менее трети от всей численности либералов, отличаются от остальных тем, что ценность порядка для них не входит в четверку важнейших. Однако столь размытая ценностная картина, при которой приоритеты обоих флангов общества совпадают на 75%, заставляет усомниться в том, что наши либералы столь уж либеральны, а консерваторы – столь консервативны.

Неоконсервативный синтез охватил в 2000-е гг. буквально все социальные группы. Если в 1990-е гг. мы видели очень большую ценностную и идеологическую сегментацию, когда общество делилось на разные группы в идейном

направлении, то с начала 2000-х гг. к этим ценностям порядка, справедливости, стабильности стали тяготеть буквально все группы – электораты всех основных политических партий, расхождения между которыми с точки зрения их идеологии становились менее выраженными, хотя и имелись отличия в нюансах. Общество вообще не желало в этот период делать выбор между отдельными идеологиями, а стремилось к их синтезу, и нынешняя власть до определенного времени этот синтез людям предлагала. Каждый россиянин видел или был готов видеть в фигуре Путина того, кого хотел видеть сам. Феномен поддержки Путина, его социальной базы можно охарактеризовать как образцовое порождение нового среднего класса. Относительно слабее позиции Путина были как среди самых бедных, так и самых богатых, его собственная социальная база – «середка», а вовсе не традиционалистская периферия, как возможно после 2012 г. начал полагать он сам.

Таблица 2. Доминирующие ценности в либеральных и консервативных группах россиян по методике семантического балкона*

Протестные консерваторы	Лояльные консерваторы	Лояльные либералы	Протестные либералы
Справедливость	Порядок	Порядок	Справедливость
Порядок	Справедливость	Справедливость	Нация
Стабильность	Успех	Государство	Стабильность
Патриотизм	Стабильность	Успех	Права человека

* Всего опрошенным предлагалось 35 ценностей на выбор. В *таблице 2* приводятся только самые «верхние» результаты.

Об этом же говорят и недавние исследования Фонда «Общественное мнение»: по словам ведущего аналитика Л.А. Паутовой, «интересно было столкнуть эти две ценности (порядок и свобода), и вопрос был сформулирован нами хитро: “Вы можете про себя сказать, что для вас стабильность важнее свободы?”. 76% говорят, что для них порядок все-таки важнее свободы. Мне становится многое понятное в психологии наших людей. Определенность, уверенность в завтрашнем дне, прочность, гарантии. Свобода, она приятна, но она, может быть, даже опасна для людей, поэтому они выбирают стабильность. Мы находимся в том состоянии, где важнее ценности порядка, стабильности, благополучия, отсутствия угроз, порядка, нежели та же самая свобода, движение, творчество, самореализация, которые, связаны с идеей свобод» [Свобода или порядок 2014]. Ценности демократии и другие ценности, которые были очень популярны в 1990-е гг., ушли на задний план, но сегодня все еще нельзя утверждать, что общество их отрицает. Теоретически общество за демократию – за выборы, за политически свободные СМИ (цензуру, правда, хотят вводить, но не политическую, а нравственную), за свободу передвижений, против вмешательства государства в частную жизнь. Но актуальность этих ценностей снижена, и в настоящее время это ценности второго, третьего, четвертого порядка. Консервативная волна, как и любая иная волна, – это явление привходящего порядка, и само по себе ее появление не позволяет го-

ворить о консерватизме как об имманентном элементе базовой архетипической матрицы современной русской нации (или, если угодно, протонации).

Таким образом, в отношении представлений о будущем России, пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся консерваторы, самая многочисленная группа, на другом – либералы, как «правые» (сторонники рынка), так и «левые» (сторонники социальных приоритетов). Консерваторы поддерживают традиционный образ России – могучего государства, державы с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, противостоящей Западу и западной цивилизации. В то же время они мечтают о стабильном, спокойном развитии, аналогично последнему периоду советской власти, а не о революциях и смутах. Либералы, напротив, ориентированы скорее на минимизацию государства, снижение его влияния на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше ценились демократические права и свободы. Однако следует отметить, что при всех различиях оба полюса имеют и много пересечений. В частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени – либералами). И либералы, и консерваторы не готовы поддержать ни стопроцентный рыночный капитализм, ни стопроцентный плановый социализм; и тех, и других скорее привлекает какой-либо промежуточный вариант, который бы включал в себя и элементы рынка, и составляющие социалистической экономики.

Теперь несколько слов о традиции. На извечное тяготение России к деспотической форме правления часто списывают те компоненты неофеодализма, которые действительно легко заметить в нашей политической реалии невооруженным глазом. Теоретически Россия – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, но на практике в ней есть немало и от монархического строя, и от любой азиатской деспотии. За официальной идеологией Кремля часто можно угадать простую мысль – «Не нужны нам никакие выборы, нам нужен царь, Россия не созрела для демократии». Действительно, это очень важный вопрос – «виновны» ли ценности или институты в политической отсталости России в ее нынешнем виде. А может быть, и нет смысла говорить о «вине», так как то, что выглядит отсталостью, является элементом того самого особого российского пути, который отмечают почти три четверти россиян. Сегодня носителем консервативных ценностей и ценностей порядка является не только и не столько традиционалистская периферия, но и в своем большинстве городской средний класс, сформировавшийся за последнее с небольшим десятилетие, и запрос на порядок, «новый порядок», в первую очередь, исходит именно от него. Среднему классу нужен твердый государственный порядок, гарантирующий ему завоеванное место, он патриотичен, пусть хотя бы на словах, он даже националистичен.

Итак, можно зафиксировать три составные части с различным историческим генезисом, составляющие феномен консервативного большинства.

1. Сохранившаяся в России периферия с элементами традиционного общества и традиционных горизонтальных связей. Это частично некоторые национальные республики в составе РФ, а также настоящая русская глубинка.

2. Выделенная Н.В. Зубаревич часть городского населения, которая проживает в депрессивных городах, работает на малорентабельных предприятиях и не способна выжить в свободной экономике без прямой поддержки государства. Если верить рассуждениям некоторых экономистов, таких балансирующих

на грани рентабельности предприятий в России – до 60%. И к ним можно смело прибавить пенсионеров, бюджетников, в том числе наиболее массовых профессий. В конце 1990-х гг. именно по их магистральному общественному запросу были приостановлены разрушительные в их восприятии реформы, и начался тот политический феномен, который мы сегодня не без легкого пренебрежения называем «путинизмом». Можно ли их причислить к консерваторам? Да, но никак не к традиционалистам, если, конечно, вести традицию с более отдаленных времен, чем поздние годы советской власти. Это наиболее массовый слой россиян: с одной стороны, сохранивший на парадном уровне ориентацию на традиционалистские ценности и установки, нуждающийся в экономической и социальной опеке со стороны государства; с другой стороны, утративший механизмы социальных связей, характерных для традиционного общества, и ориентированный на ценности общества массового потребления, не готовый к любой форме социальной мобилизации. Объем этой группы составляет несколько более 50% от общей численности россиян, и, учитывая во многом общие декларируемые ценности, методы массового опроса не всегда способны надежно отделить ее от группы жителей «традиционной» России.

3. Значительная часть российского среднего класса, появившегося на свет уже в XXI в. Это вполне адаптивная, даже буржуазная часть общества, с большими потребительскими запросами и высокой социальной самооценкой. Как и весь наш новый средний класс, он во многом вырос на особых связях с государством, а не на вольном бизнесе. Он заинтересован в сочетании стабильности и развития, сильном государстве и внутри, и во вне, со сложившимися правилами игры, если и не исключаящими, то минимизирующими произвол. Этих новых русских буржуа определенно нельзя отнести к традиционалистам.

Теперь попытаемся проанализировать культурно-историческую составляющую этой консервативной волны. Как следует из *таблицы 3*, в отличие от уже упомянутых высказываний, рассматривающих нынешнюю консервативную Россию в качестве носителя вековых традиций, противостоящих западным либеральным идеям, мы не видим в консервативной волне сколько-нибудь значительных исторических элементов.

Таблица 3. Идеалы в истории России, характерные для основных типов российского общества*

Идеалы	Умеренные либералы	Радикальные либералы	Консерваторы-державники	Консерваторы-социалисты
Дореволюционная Россия	20	13	13	7
Первое десятилетие советской власти	2	5	4	7
Последние десятилетия советской власти	6	10	5	24
Перестройка	4	3	2	6
Реформы 1990-х гг.	3	2	3	2
Современный период	37	31	38	30

* [Горшков, Крумм, Тихонова 2013].

«Всеобщее смешение народов», гибель крестьянства в 1930-е гг., Отечественная война – все это практически пресекло *живую русскую традицию*, которая стоит не на бронзовых памятниках Петру, а на семейных преданиях, обычаях, институтах горизонтальных взаимосвязей, общине. Сегодня не более 3–4% россиян сохранили память о своих предках, живших в исторической, дооктябрьской России, а идеалом этот период называют в среднем 12–13% опрошенных. Если брать советский период, то советская нация также возникла в Отечественной войне и в послевоенное время, когда страна из крестьянской стала городской, и выросли первые городские поколения, уже почти ничего не знающие о своем крестьянском прошлом. Для такого традиционализма больше подходит термин «советский традиционализм» со всеми плюсами и минусами этого социального феномена. Вспомним в этой связи ставшую классической книгу Ю.А. Левады «Человек советский» [Левада 2004]. И наконец, третья историческая составляющая нынешнего консервативного состояния умов – это уже нынешние времена, «путинские». Неслучайно большая часть консервативного большинства готова поддержать «Единую Россию», а не монархистов или коммунистов.

Образцом спокойных, стабильных времен является отчасти современная Россия, в известной степени (для социал-консерваторов) – последние десятилетия советской власти. Даже современные российские «левые» не воспринимают эпоху революционных потрясений, как идеал. На смену коммунистической идеологии еще в советские времена пришла идея, которая никогда не провозглашалась официально «идеологией большинства», но фактически именно такой и стала – это идея частной жизни. Представители старшего и среднего поколений хорошо помнят, сколько сил стали отдавать тогда еще советские граждане обустройству своих дач, садовых участков, квартир, своего быта. Общество в целом пока безусловно не готово к каким-либо жертвам во имя общего блага или общих целей, то есть никакая мобилизационная идеология, даже под популярными «левыми» лозунгами о социальной справедливости, не может рассчитывать на поддержку большинства, особенно это касается молодых и относительно молодых поколений россиян. 72% опрошенных социал-консерваторов, как и большинство других групп общества, полагают, что «важно лишь собственное благополучие и благополучие моей семьи»; и лишь 28% считают, что «жить стоит ради общей цели, которая бы нас всех объединяла». Больше всего индивидуалистов отмечено среди радикальных либералов (82%), но в данном случае это вполне соответствует «витринной» идеологии названной группы общества. Эти показатели носят достаточно стабильный характер: так, в ходе исследования ИС РАН в 2003 г., 79% отдали предпочтение собственному благополучию, а не жизни ради общих целей, и 73% согласились с мнением, что личные интересы – это главная цель человека. Анализ результатов экспертного опроса, проведенного в ИС РАН в рамках проекта «О чем мечтают россияне», позволил сделать похожие, но более осторожные выводы: «... страна, российская нация находятся на переломе многих социокультурных парадигм, определявших исторический социокультурный код. Значительной частью экспертов подвергается сомнению действенность в условиях новой России таких традиционно мобилизующих установок, как имперский характер государства, доминирующая в нем роль верховной власти, сильные идеологические ценности (как православные, так и коммунистические). И в то же время влияние традиционных ценностей и архетипов продолжает оставаться весьма значительным, хотя часто и на декларативном уровне.

Все это означает, что на практике в России будет реализовываться промежуточная модель, не предполагающая ни возврата к традиции (“консервативная революция”), ни форсированной западной модернизации (“либеральная революция”). Именно в поисках компромисса между этими двумя крайними сценариями и должна заключаться внутренняя политика, в том числе и реформирование политической системы страны» [Горшков, Крумм, Тихонова 2013].

Наша партийно-политическая система плохо отражает явления идейного противостояния в современной России. Поэтому в ходе Электоральной панели ВЦИОМ (ноябрь 2013 г.) были заданы вопросы не о реальных партиях, а о неких гипотетических конструкциях, построенных вокруг основных общественных идеологем. Две самые популярные позиции – это сильное и социально ориентированное государство (19%) и возрождение страны как великой державы (чуть меньше 19%). Значит, с точки зрения идейного наполнения, в консервативной волне тоже можно найти две главных составляющих – социальную и державническую. По своим социальным характеристикам обе группы имеют много общего: если на социальном государстве настаивают скорее зависимые от государства и не слишком адаптивные бюджетники, то великую державу выбирают в такой же пропорции и представители успешного среднего класса. Коммунисты составляют «левую» периферию консервативного большинства, а сторонники сочетания сильного государства и рыночной экономики – «правую», хотя часть этой группы (около 18%) все-таки тяготеют к либеральной оппозиции. Сами же либералы, сторонники сближения с Европой и Западом (3%) со сторонниками сокращения вмешательства государства в экономику (2%), вместе не дотягивают даже до 5%. Эту электоральную нишу немного спасают в своей части только либералы-государственники [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Таблица 4. С каким из следующих суждений о власти и оппозиции Вы скорее согласны (один ответ), в %

Готовность поддержать власть или оппозицию	%
Я безусловно готов поддержать власть	13
Я скорее готов поддержать власть	37
Я скорее готов поддержать оппозицию	12
Я безусловно готов поддержать оппозицию	5
Меня в равной степени не устраивает ни власть, ни оппозиция	22

Важной чертой консервативного тренда является неприятие оппозиции, даже в условиях значительного недовольства властями. И в этой ситуации наблюдается весьма противоречивая тенденция: с одной стороны, согласно данным *таблицы 4*, налицо очень высокий уровень недоверия к правительству, силовым структурам, местным властям; с другой стороны, мы видим, что есть поддержка В.В. Путина (и альтернативы ему нет), есть «Единая Россия», за которую голосуют от 40% до 45%. В чем же природа такого феномена – одновременные тяга к власти и отталкивание от нее? Все социологические опросы выявляют массу негативного в отно-

шении современной российской бюрократии, все клеймят чиновников, как главное бедствие России, и в то же время готовы голосовать за партию, представляющую в первую очередь интерес этой бюрократии. Причем люди это хорошо осознают: на вопрос «чья интересы представляет “Единая Россия”?» большинство отвечает, – «интересы бюрократии». За счет чего же появляются такая популярность и поддержка? За счет курса, который ассоциируется с правящей партией? Действительно, мы видим, что на вопрос, «нравится ли вам то, что сейчас происходит в стране», многие ответили, что нравится, но все же больше тех, кому не нравится. Ядро удовлетворенных современным положением дел в стране составляет 17–20%. С другой стороны, за «Единую Россию» голосуют в два-три раза чаще, а поддерживать В.В. Путина готовы в четыре-пять раз больше. Почему?

Отказ от поддержки оппозиции происходит постоянно. Собственно говоря, этот процесс начался с конца 1990-х гг., когда общество разочаровалось в возможностях оппозиции. В тот период в Государственной Думе имелись две-три влиятельные оппозиционные партии, но с какого-то момента запрос общества стал связываться исключительно с властью, причем со стороны тех сегментов общества, которые этой властью категорически недовольны: это не только недавние сторонники либеральной оппозиции, в отношении которой действуют законы исторического маятника и которая переживает системный кризис. Общество от нее отвернулось, в нем сегодня доминируют другие системы ценностей. Но что самое интересное: и патриотическая оппозиция, в сторону которой, наоборот, вектор общественного запроса, казалось бы, повернут, тоже переживает тяжелые времена. И «левый» запрос связывают исключительно с властью: «власть, сделай нам справедливо, сделай нам порядок. Мы сами ничего не хотим делать. Власть, дай нам справедливость, дай нам порядок, дай нам стабильность»⁴.

Соотношение установок на стабильность и перемены также носит противоречивый характер: сейчас общество находится в той фазе, когда, с одной стороны, люди устали от стабильности, которая длится примерно пять-шесть лет после преодоления последствий дефолта; с другой стороны, очень многих пугают перемены. Например, зимой 2011–2012 гг. возникли отдельные предпосылки к тому, что вектор перемен в некоторой степени начинал преодолевать вектор стабильности, однако все снова вернулось на круги своя. Общество продолжает бояться перемен. В первую очередь, боится средний класс крупных городов, который в целом, несмотря на то, что он готов покритиковать власть в частных разговорах, в реальности ни к каким переменам не готов. Мы снова пришли к такому состоянию, когда общество перестало относиться к политике как важному для себя действию, а воспринимает ее, скорее, как некий политический театр, способ развлечения. Такое потребительское отношение к политике и обеспечивает стабильность нынешней политической системы, которая в глазах общества далеко не идеальна.

Необходимость в стране «твердой руки», которая наведет порядок даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 63% опрошенных. Однако эта позиция не является консенсусной, так как с ней согласны лишь около 35% представителей либерального, новорусского сегмента общества, зато мечту о «твердой руке» поддерживают 74% консерваторов. Все группы респон-

⁴ Установку «страна нуждается в стабильности, это важнее чем реформы и связанные с ними перемены» поддержали 65% опрошенных, и только 29% считают, что стране нужны перемены, новые реформы, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

дентов в той или иной степени готовы согласиться с тем, что «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире». Это мнение – традиционное представление о роли российского государства, в последнее время все более оспариваемое новорусскими группами, особенно молодыми русскими националистами, сторонниками создания национального русского государства европейского типа. Всего великодержавную позицию, согласно данным того же исследования ВЦИОМ, разделяют 66% опрошенных россиян; среди консерваторов как радикальных, так и умеренных, эта цифра достигает отметки в 73%, а в либеральных сегментах общества ограничена уровнем в 52% [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Теперь попробуем сравнить экономические установки либералов и консерваторов, связанные с предпочтением той или иной жизненной стратегии. На предложенный вопрос «что бы Вы предпочли – пусть не слишком большой, но гарантированный заработок, или же работать на свой страх и риск безо всяких гарантий?» 76% опрошенных выбирают первый вариант, и это абсолютно закономерно в рамках той логики, которую мы уже наметили. Что же касается активной жизненной стратегии, которая и должна быть своего рода брэндом креативного класса, то ее выбирают 26% последовательных либералов, 14% умеренных либералов, 14% умеренных консерваторов и 16% радикальных консерваторов. Таким образом, с известными оговорками, последовательные либералы действительно в качестве тенденции демонстрируют сходство с креативным классом [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Среди последовательных либералов несколько меньше тех, кто называет себя верующими людьми, – 69% против 78% среди последовательных консерваторов. Однако если для почти 60% консерваторов вера – это национальная традиция, религия предков, а церковь они посещают лишь по большим праздникам, то среди либералов несколько больше, чем среди консерваторов, убежденных верующих, регулярно посещающих церковь – 20% (против 13% среди консерваторов), в либеральной среде больше тех, для кого вера – это живое общение с Богом, общение с единомышленниками, а также следование христианской морали, а не только ритуалы и традиции [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Это бегло нарисованная картина все же позволяет утверждать, что реальное идеологическое соперничество происходит не между двумя полюсами – консерваторами и либералами. Учитывая преобладание в центральной части политического спектра синтетической, частично консервативной, частично либеральной идеи – речь идет, скорее, о трех полюсах. Первый – лево-консервативная идея, связанная с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости. Второй полюс – лево-либеральная (социал-демократическая) идея, делающая акцент на тех же идеях социальной справедливости в пакете с общедемократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. И, наконец, третий полюс – это либерально-консервативная идеология, во многом совпадающая с основным вектором политического курса, связываемого с эпохой «нулевых», и которая потерялась в условиях ценностного противостояния флангов.

Безусловно, в последние годы произошла реанимация многих архетипов, входящих в социокультурный код российской нации. Однако они далеко не всегда затрагивают мотивационный блок массового сознания. Те, кто сегодня пытается в качестве «нового путинского большинства» предложить консерваторов-традици-

оналистов, не учитывают качество этого традиционализма, существующего подчас лишь как элемент автостереотипа наряду с представлениями о соборности, коллективизме, духовности и прочих атрибутах русского самосознания. Не всегда верная интерпретация содержательной составляющей данной группы приводит к ошибочному мнению о том, что в современном российском обществе продолжают доминировать идущие от общинных устоев ценности и настроения.

Итак, ценностное противостояние традиционалистов и либералов имеет место, но оно касается весьма незначительных групп общества, не более 5% каждая, расположенных на отдаленных флангах политического спектра. Однако не эта конфронтация определяет динамику общественного запроса. Гораздо важнее то, что связано с взаимодействием, притяжением и отталкиванием более значимых групп – государственников-державников, социал-государственников и либерал-государственников: всех их объединяет ценность государства и порядка, хотя многое и разъединяет.

В следующем разделе мы более подробно остановимся на тенденциях и трендах, характерных для самого последнего периода, 2011–2013 гг., чтобы проанализировать наличие какой-либо динамики в ценностном противостоянии отдельных групп российского общества.

Динамика идейных установок и консервативного тренда в период 2011–2013 гг.

Время, прошедшее с выборов 2011–2012 гг., принесло много неожиданностей, хотя и не привело к изменению общего вектора развития социально-политической ситуации в стране. Оно обмануло ожидания одних слоев общества, разочаровало их и, напротив, обнадежило другие. За минувшие годы меньше говорили о модернизации и инновациях, больше – о коррупции, социальной стабильности общества, о его традиционных ценностях. Власть активнее пыталась следовать общественному запросу со стороны ранее молчаливого консервативного большинства, обеспечившего В.В. Путину убедительную победу в 2012 г., и все в меньшей степени – со стороны так называемого либерального меньшинства, представителей городского среднего класса. Началась, хотя и не вступила в свою решающую фазу, эрозия партийно-политической системы, ознаменовавшаяся выходом на политическую сцену нового фаворита партии власти – Общероссийского народного фронта (ОНФ), а прежний фаворит – «Единая Россия» – получила ряд болезненных ударов не столько от своих избирателей, как это произошло в 2011 г., сколько от самого В.В. Путина и его новой администрации. Появилось множество новых политических партий, пока оказавшихся не способными потеснить в рейтингах партийных «старожилов». Резко усилились и межэлитные войны – схватки за власть и материальные ресурсы различных политических кланов и групп, аппетиты и амбиции которых Кремль и сам глава государства сдерживают с большими проблемами и трудностями. Произошло немало скандалов, вызванных принятием одиозных для определенных групп общества законов и постановлений. Общество начинает проявлять себя активнее если и не в протестных акциях, то в блогосфере и разного рода общественных инициативах. Участились вспышки противостояния на национальной почве между диаспорами мигрантов и коренным населением страны.

Существенно возросли значение и влияние на политическую жизнь силовых ведомств, особенно Следственного комитета и ФСБ. И все же, несмотря на то новое, что принес стране период 2012–2014 гг., он не привел к значительным переменам в настроениях и ожиданиях людей. По сути, продолжают сохраняться практически все основные тренды, многократно зафиксированные социологами в минувшие 5–10 лет. Однако некоторые из этих трендов ослабли, что увеличивает перспективы их постепенного разворота в противоположном направлении.

Перемены, конечно, происходят, однако они касаются скорее некоторых деталей и акцентов, нежели радикально меняют привычную с 2000-х гг. социально-политическую карту. Политическая стабильность в 2000–2008 гг. базировалась на сложившемся в обществе ценностном балансе, в рамках которого идея сильного государства, сочетающего в себе либеральные черты (рынок, свобода частной жизни) с социал-консервативными (государственный патронаж основных секторов экономики, социальные гарантии, архаичная политическая система), объединяла наиболее значимые группы общества, отсекая недовольных радикалов на фланги, где они не представляли угрозы для системы власти. В этой системе центральная власть во главе с В.В. Путиным, имея значительное ядро поддержки, располагала возможностью ее многократного расширения за счет тех, кто воспринимал ее как наименьшее или приемлемое зло, своего рода исторический компромисс. Однако к началу избирательного цикла, осени 2011 г., эта устоявшаяся система начала давать сбои, вылившиеся в массовые протесты, а потом и в радикализацию, и поляризацию общества.

Общее соотношение тех, кто отмечает перемены к лучшему, и тех, кто указывает на перемены к худшему (неважно, значительные или незначительные), составляет 40% против 24% соответственно. Обращает на себя внимание, что 18% опрошенных представителей мегаполисов (при 8% в среднем по массиву данных) свидетельствуют о значительных переменах к лучшему (в областных центрах – 7%, в районных центрах – 6%) [Мониторинг ИС РАН 2014]. Это означает, что, несмотря на политику властей, формально обращенную к глубинке, ее небогатым консервативным жителям, на практике продолжают процессы сильнейшего социального расслоения, неудержимого роста мегаполисов за счет остальной пустеющей страны. Однако политический эффект налицо: протесты городского среднего класса постепенно выдохлись, маргинализировались, а протесты консервативной глубинки (даже если такие настроения и появляются) остаются для власти в целом безопасными в силу отсутствия информационных коммуникаций, политической пассивности, слабого интереса к политике в целом.

Эти годы привнесли немало нового и в идеологическую окраску российской политики. В первую очередь, это касается стабилизации политической системы и правящего режима на ценностях консерватизма, а консервативное большинство, сформировавшееся в российском обществе в последнее десятилетие, стало рассматриваться властью в качестве своей основной опоры. Как отмечает редактор «Русского журнала» А. Морозов, «...первый этап путинского третьего срока успешно завершён. “Новое большинство” (подавляющее) сформировано, одержаны убедительные внешнеполитические победы, оппозиция к третьему сроку ликвидирована. Курс на Евразийский союз и “особый путь” уже ясно продемонстрирован всем участникам управленческой системы в России. И все они по мере сил со своей стороны присягнули новому курсу: это сделали и политические партии, и церковь, и писатели, и прочие гильдии» [Морозов 2014].

Таблица 5. Динамика базовых ценностей и установок в период 2011–2013 гг.*

Альтернативы	2011	2013
Страна нуждается в стабильности, это важнее чем реформы и связанные с ними перемены	61	65
Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	35	30
Перемены надо проводить «сверху», «жесткой рукой», власть должна показать свою силу и решительность	61	63
Перемены надо проводить «снизу», опираясь не столько на власть, сколько на инициативных людей, здоровые силы общества	32	30
России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок	69	69
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	24	23
Необходимо укрепление роли государства, национализация крупнейших предприятий, жесткое подавление коррупции	71	71
Необходима либерализация всех сфер жизни, освобождение бизнеса от власти чиновников, высвобождение инициативы граждан	23	22
Политика России должна быть направлена на союз с ведущими странами Запада, вхождение России в западную цивилизацию	24	24
Политика России должна быть ориентирована на укрепление государства, развитие собственной российской цивилизации	71	71
Государство должно оказывать помощь и поддержку своим гражданам, без поддержки государства нам не выжить	84	82
Граждане должны стремиться сами заботиться о себе, а не ждать помощи от государства	13	15
Русские должны объединиться для защиты своих национальных интересов, Россия, в первую очередь, для русских	37	46
Россия должна быть многонациональным государством, объединяющим разные народы	56	48
Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире	64	70
Россия не должна стремиться к укреплению державной мощи, лучше позаботиться о благосостоянии собственных граждан	30	23
Необходимо возвращение к традициям, моральным ценностям, проверенным временем	52	59
Необходимо движение вперед, к современной экономике и образу жизни, без оглядки на отжившее прошлое	40	33

* Графа «затрудняюсь ответить» всюду опущена.

Дает ли это основание говорить о значительном росте уровня консерватизма в России, дальнейшем развитии консервативного тренда? Как видно из сравнительной *таблицы 5* базовых ценностей, зафиксированных в рамках проекта ВЦИОМ в ноябре 2011 г. и летом 2013 г., консервативное большинство сложилось давно, значительно ранее 2011 г., и за прошедшие два года действительно несколько возросло, а либеральное меньшинство сократилось. Однако никаких признаков какого-то форс-мажора обнаружено не было.

Проведенная нами кластеризация, в ходе которой были учтены ответы на вопросы анкеты, содержавшие различные аспекты ценностных ориентаций и установок, дала следующие результаты⁵. Консерваторы составили 80% от общего числа ответивших, из них 43% – это последовательные консерваторы, которые предпочли исключительно консервативные альтернативы, 36% – непоследовательные консерваторы, которые выбирали консервативные альтернативы чаще либеральных. Либералы составили 19% от общего числа респондентов, причем последовательные либералы насчитывали 6%, а непоследовательные – 13%. Если непоследовательных консерваторов и либералов охарактеризовать как центристов, то эта группа в совокупности достигнет 49% опрошенных. В качестве отдельного идеологического течения, слабосвязанного со шкалой «либералы – консерваторы», в исследовании рассматривается национализм; имеется в виду русский этнический национализм. По совокупности всех вопросов выделены 10% от ответивших на все соответствующие вопросы опрошенных – в качестве последовательных националистов, 37,8% – в качестве умеренных, непоследовательных националистов и 51% – в качестве интернационалистов, не имеющих национальных фобий и предпочтений [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Если не обращать внимания на незначительные различия, укладываемые в статистическую погрешность, можно сформулировать следующие выводы:

1. Консервативное большинство по разным оценкам составляет от 65% до 75% от всей совокупности опрошенных и в среднем за полтора года выросло на 2–4%.

2. Наибольшая динамика отмечается в увеличении числа национально ориентированных россиян, согласных с утверждением о том, что *«русские должны объединиться для защиты своих национальных интересов, Россия в первую очередь для русских»* – с 37% до 46%.

3. На 7% – с 52% до 59% – увеличилось число тех, кто согласен с утверждением о том, что *«необходимо возвращение к традициям, моральным ценностям, проверенным временем»*.

4. На 6% – с 64% до 70% – выросла доля державников, согласных с утверждением о том, что *«Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире»*.

5. На 4% – с 61% до 65% – расширилась численность сторонников стабильности, и на 5% сократилось число сторонников перемен.

6. Во всех остальных пунктах, отражающих ценности и установки россиян, значительных изменений не наблюдается.

Таким образом, как видно из *таблицы 5*, можно отметить умеренную консолидацию и рост сторонников консервативных ценностей и одновременное сокращение числа сторонников либеральных перемен. Вышеуказанное позволяет сделать

⁵ При кластеризации были отброшены те респонденты, которые не ответили ни один из поставленных вопросов.

вывод о том, что вспышка либерально ориентированной активности 2011–2012 гг. осталась позади или не получила своего дальнейшего развития. Этот тренд не должен вызывать удивления, так как, скорее всего, является реакцией массового сознания на тональность СМИ, последние полтора года все чаще апеллирующих к традиции, консерватизму, патриотизму и чаще всего резко негативно отражающих мнения либеральной части общества. Вопросом остается, скорее, другой момент: насколько этот тренд отражает более глубинные черты общества, чем парадные пласты массового сознания.

Другим важным индикатором системы ценностей и установок является ответ на вопрос, связанный с тем, какие идеи и лозунги опрошенные готовы поддерживать на выборах, в случае если их выдвинет одна из политических партий. Респондентам предлагалось выбрать до трех вариантов ответов. Несколько более «низкие» цифры ответов за 2013 г. связаны с большим числом тех, кто не смог или отказался отвечать на поставленный вопрос. Наиболее значительный рост поддержки получили такие лозунги, как «Возвращение к традициям» (+4%), «Россия для русских» – +3%, «Социальная справедливость» – +3%, а снижение на 2% зафиксировано в отношении лозунга «Права человека, демократия» [Электоральная панель ВЦИОМ 2013]. Это сравнительно незначительная динамика, которая лишь подтверждает сделанный ранее вывод о небольшой консолидации в обществе консервативных, антилиберальных ценностей и установок. Причем этот тренд, согласно результатам исследования, скорее, направлен в сторону лево-националистической части политического спектра. В то же время наиболее популярными лозунгами как были, так и остаются – «Сильное государство, заботящееся о своих гражданах»; «Социальная справедливость»; «Сильная жесткая власть»; «Возвращение к традициям, проверенным временем»; а также «Права человека, демократия».

Как следует из данных панели ВЦИОМ, еще до декабрьских выборов 2011 г. структура идейно-политических предпочтений в целом оставалась достаточно стабильной. Относительно радикальный фланг «левой» части спектра представлен примерно 14% сторонников коммунистов (в последнем докризисном году эта цифра составляла также 14%). Другие – некоммунистические – «левые», в том числе социалисты, сторонники сильного социально ориентированного государства, по большей части патриоты-державники, в общей сложности имеют еще немногим менее 30% единомышленников (в 2008 г. эти силы набирали немного меньше – 26–27%). Таким образом, кризисные годы на несколько процентов увеличили долю державников и в некоторой степени их радикализировали за счет небольшого увеличения поддержки их наиболее воинственного крыла (вспомним митинги зимой 2011–2012 гг. с участием С.Е. Кургиняна, А.А. Проханова и др., а также заметную роль православной общественности в связи с делом «Пусси Райот»). Однако это очень небольшие перемены, практически укладывающиеся в статистическую погрешность данных, которые ни в коем случае не дают оснований утверждать о существенном сдвиге общества «влево». За прошедшие два года продолжилась тенденция некоторого снижения популярности коммунистической идеологии (до 12%) при примерно сохранившихся 5% сторонников «иных левых сил», социалистов и социал-демократов, а также значительном росте (до 19%) «левых» государственников – приверженцев сильного и социально ориентированного государства. Таким образом, общее число «левых» на 2013 г. составило около 36% от общего числа

опрошенных, а среди них доминируют не коммунисты, а «левые» государственники. Общее число «левых» за эти годы не изменилось, лишь произошла определенная перегруппировка внутри данного кластера [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Однако на либеральном фланге наметились явные подвижки: в 2011 г. на уровне 13–14% фиксировалась доля тех, кто на первое место ставил политические и экономические свободы, среди них около 11–12% (то есть большинство) составляли сторонники общедемократических, правозащитных ценностей, скорее, «левые» либералы, а чуть более 3% – «правые» либералы, сторонники свободного развития бизнеса и рынка, сокращения вмешательства государства в экономику. Последняя группа, весьма активная в информационном пространстве, продолжала на то время оставаться крайне малочисленной в масштабах всего общества. Согласно данным ВЦИОМ, общая численность либерального фланга сжалась до 16%, и из них 12% (то есть значительное большинство) составляют либералы-государственники, центристы, а западники, сторонники интеграции России в западную систему ценностей, также как и приверженцы свободного рынка (каждые по 2%) занимают в нынешнем политическом спектре скорее маргинальные позиции. Правда, в Москве и других крупных мегаполисах их численность несколько выше и достигает в совокупности 9%. Эти цифры примерно соответствуют и картине симпатий, выявленных на региональных и местных выборах [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Следует также особо отметить стабильный, хотя и невысокий уровень поддержки радикальных русских националистов, выступающих не с державнических позиций, а ориентированных на борьбу с наплывом в Россию мигрантов нерусской национальности – их рейтинг продолжает уже многие годы колебаться вокруг отметки в 4–5%. Националисты, как политическая сила, остаются маргиналами, при значительном распространении и росте стихийных националистических настроений. Опросы фиксируют до 56% поддержку лозунга «Россия для русских», при всего 9–10% опрошенных, отдающих этому лозунгу приоритет среди прочих лозунгов и идей, и при этом всего 4–5%, готовых голосовать за те политические силы, которые выдвигают этот лозунг в качестве приоритетного [Электоральная панель ВЦИОМ 2013].

Как показал опыт двух лет после «протестной зимы», радикальные националисты продолжали искать свое место как в либеральном, так и в антилиберальном протестном движении, но без большого успеха. В этот период не сформировалось ни одной значимой политической партии националистической ориентации, способной успешно выступить на выборах, зато сами националистические лозунги и идеи весьма успешно стали перехватывать власть, как это происходило на выборах мэра Москвы осенью 2013 г.

Молодые националисты среди современного поколения являют собой меньшинство, хотя и наиболее «пассионарное». Гораздо больше тех, кого вообще не интересует ни идеология, ни история, ни политика. Мировоззренческие, идейно-политические и религиозные установки современной российской молодежи сформировались в эпоху, когда в прошлое ушли потрясения, связанные с предшествующей политической эпохой, большая часть общества отвернулась от политики, сошла на «нет» волна общественного подъема, а на первое место выдвинулись ценности индивидуалистические или связанные с «малым социумом», местом человека в самом близком окружении.

Огромной проблемой, питающей стихийный и радикальный русский национализм, остается невовлеченность молодежи в «большой социум», в круг общественно и государственно значимых инициатив. Репрессивные меры, применяемые властями к националистам, лишь подогревают в их среде антигосударственные настроения, ненависть к институтам власти и политики. Эти реалии отнюдь не способствуют объединению вокруг каких-либо общих идей и целей, тем более молодые люди не стремятся жертвовать ради этих целей своей карьерой, материальным достатком, устроенной жизнью (по данным опросов, более 70% молодежи в возрасте до 30 лет заявляют именно об этом).

Таков портрет современного молодого человека, ориентированного на индивидуальный успех, для которого «общие цели» уступают по значению личным. Эти представители молодого поколения весьма энергичны и предприимчивы в том, что касается их личной результативности, и пассивны во всем остальном, они ждут перемен и готовы соблюдать правила игры, если они не противоречат их целям и устремлениям. Этот образ далек от общепринятого русского идеала «соборности, коллективизма и бессебренничества», на который продолжают ориентироваться многие радетели идеологии русского национального возрождения. Само по себе это не хорошо и не плохо, но именно эта новая генерация россиян будет в предстоящую эпоху диктовать свои условия и политикам, и государству.

Как пишет С. Резниченко, в современной России формируется «третий русский народ». «Дальше не может существовать ни традиционная государственность, ни исторически сложившийся русский народ. <...> Уже никого нельзя заставить жертвовать чем-либо ради интересов государства. <...> Будущий русский народ наверняка будет весьма радикально отличаться от нынешнего. Может кардинально поменяться религия, образ жизни, ментальность. <...> Приспособиться к такому необычному и неуютному будущему будет весьма и весьма трудно» [Резниченко 2011]. Анализ современного состояния русских националистов, как политической силы, фиксирует значительные противоречия, которые пока сдерживают рост их влияния: расхождение во взглядах «старонационалистов» и «младонационалистов», державников и сторонников национального государства; отсутствие согласия между радикальным сегментом националистов и их умеренными сторонниками, и, наконец, противоречия между протестными либералами и националистами. Националисты, как политическая сила, пока не нашли себя, они не примкнули ни к либералам, ни к консервативному большинству, но в перспективе нельзя сбрасывать со счетов возможность резкого усиления их влияния.

Итак, получается несколько парадоксальный результат – все основные политические течения, кроме потерявших значительную часть сторонников либералов, за последние четыре года практически сохранили свою поддержку на прежнем уровне, однако в общем балансе сил существенно возросли роль и влияние политических флангов, тогда как ранее подобная роль отводилась политическому центру. Если в период 2000–2010 гг. основной идеологической опорой власти были либеральные государственники, цементирующие весь политический спектр, то после 2011 г. эта роль досталась скорее патриотам-державникам с их государственным консерватизмом и недоверием к любым разговорам об экономической и политической модернизации.

Таким образом, как видно из приведенных данных *таблицы 6*, ничего экстраординарного в России с точки зрения сдвига ценностей не происходит. Не видно никаких явных признаков революционной ситуации или острого политического

кризиса, которые фиксируют, например, исследователи Центра стратегических разработок⁶. Процесс роста политической турбулентности, общественного «разогрева», наметившийся в последние годы, пока охватил лишь отдельные общественные слои, и, как показывают результаты панельного исследования ВЦИОМ, страна в целом продолжает находиться в состоянии политического сна, хотя признаки возможного скорого пробуждения тоже можно при старании отыскать [Изменения политических настроений 2012]. Период с 2011 г. по 2013 г. не принес существенных перемен в структуру идейно-политических предпочтений россиян, но обогатил привычную картину рядом новых нюансов и акцентов. В настоящее время углубляется идейный раскол внутри старых электоральных ниш – либералов, националистов, «левых» при сохранении общего баланса между самим этими нишами.

Таблица 6. **Идейно-политическая сегментация общества в период 2008–2013 гг.**

Сочувствую	2008	2011	2013
Коммунистам	15	14	12
Силам социалистической и социал-демократической ориентации	2	6	5
Сторонникам сильного и социально ориентированного государств	14	11	19
Сторонникам сочетания сильного государства и рыночной экономики	19	17	12
Русским националистам, выступающим против наплыва в Россию приезжих из южных регионов	4	5	4
Сторонникам возрождения страны как великой державы	11	13	19
Демократам, выступающим за политические и гражданские права	12	11	2
Сторонникам сокращения вмешательства государства в экономику	2	2	2
Другое	2	2	–
Затруднились ответить	20	17	–

Проведенная нами типология позволила проверить сделанное в рамках первого панельного обследования наблюдения о том, что происходит определенная смычка между националистической и либеральной идеологией, и это течение можно охарактеризовать как евронационализм, ориентированный на построение национального государства восточно-европейского типа (Литва или Хорватия). Настоящее исследование продемонстрировало, что этот тренд пока не получил своего дальнейшего развития. Усилия властей на раскол оппозиционно-протестного движения образца «Болотной» дали свои плоды и позволили развести либералов и националистов по разным углам политического ринга. Так, среди последовательных либералов доля радикальных националистов составила всего 3%, среди умеренных либералов – 8%, среди умеренных консерваторов – 10%, а среди

⁶ «Полномасштабный политический кризис, о котором мы предупреждали еще в марте 2011 года, когда вышел наш первый доклад, потом осенью был второй, сейчас третий – он носит необратимый характер; какие бы сценарии мы ни рассматривали сейчас, лишь не просматривается возможность сохранения “статус-кво” в каком-то виде, в котором мы сейчас наблюдаем политическую систему» [Дмитриев 2012].

последовательных консерваторов – 13% [Электоральная панель ВЦИОМ 2013]. Это означает, что большая часть националистов все же позиционирует себя в качестве сегмента консервативного большинства россиян.

Тем не менее есть важные черты, отличающие националистов радикального толка от общей массы консерваторов. Это связано с их высоким уровнем протестности, недовольства нынешним режимом, которое даже превосходит недовольство со стороны либералов, не говоря уже об относительно лояльном к политическому режиму консервативному большинству в целом (таблица 7).

Таблица 7. Уровни протестности среди различных групп общества, выделенных по ценностно-идеологическому обоснованию (декабрь 2013 г.)*

Ценностно-идеологические группы	Расчетный индекс протестности
Последовательные консерваторы	2,9
Умеренные консерваторы	3,0
Умеренные либералы	3,6
Последовательные либералы	3,7
Радикальные националисты	2,9
Умеренные националисты	3,2
Интернационалисты	3,8

* Рассчитано как средний балл от 0 до 10 по шкале, построенной с учетом различных вопросов, касающихся отношения к власти и к оппозиции, готовности поддержать протестную активность.

Таким образом, благодаря эффективным политтехнологиям властям удалось столкнуть между собой на ценностно-символическом уровне два самых недовольных властью кластера общества. Именно этой цели послужили пропагандистские кампании против группы «Пусси Райот» и тех, кто оскорбляет святыни, против пропаганды гомосексуализма, против усыновления иностранцами русских детей.

Стоит остановиться на электоральных предпочтениях отдельных групп в рамках построенной типологии. Обращает на себя внимание то, что общая дегенерация нынешнего партийно-политического меню делает достаточно похожим выбор даже тех групп, которые занимают противоположные позиции на идеологических полюсах.

Так видно из таблицы 8, «Единая Россия» занимает лидирующее положение во всех выделенных группах, хотя и с различным результатом – от 22% у либералов до 45% у консерваторов. Второе место как у либералов, так и у консерваторов, причем с идентичным результатом, получает КПРФ, а у националистов КПРФ стоит на третьей позиции, уступая вторую строчку ЛДПР. Неудовлетворенность как либералов, так и националистов находит свое проявление в относительно большом числе тех, кто заведомо не готов участвовать в выборах. Что же касается новых партий, рассчитанных на либеральный электорат, то они пока явно не пользуются доверием тех избирателей, которых считают своими.

Таблица 8. **Партийные электоральные предпочтения групп⁷, выделенных по идеологическим основаниям***

Проголосую за	Консерваторы	Либералы	Националисты
Справедливая Россия	6	7	5
ЛДПР	8	7	17
Патриоты России	1	1	1
КПРФ	14	14	13
Яблоко	1	8	1
Единая Россия	45	22	30
Правое дело	1	2	1
Гражданская платформа	0	3	2
Коалиция РПР - Парнас	0	3	1
Испорчу бюллетень	1	3	2
Не приду на выборы	1	14	12

* ВЦИОМ, декабрь 2013 г.

Таблица 9. **Президентские электоральные предпочтения групп⁸, выделенных по идеологическим основаниям***

Проголосую за	Консерваторы	Либералы	Националисты
Путин	54	30	49
Зюганов	9	9	10
Жириновский	6	4	5
Прохоров	5	18	6
Миронов	5	4	4
Навальный	1	10	2
Испорчу бюллетень	1	4	2
Не приду на выборы	11	13	11

*ВЦИОМ, декабрь 2013 г.

⁷ В *таблице 8* приводятся только наиболее выраженные идеологически группы – последовательные консерваторы, либералы и националисты.

⁸ В *таблице 9* приводятся только наиболее выраженные идеологически группы – последовательные консерваторы, либералы и националисты.

Во многом те же выводы можно сделать и из анализа электоральных предпочтений описываемых групп на гипотетических президентских выборах (таблица 9). Лидерство В.В. Путина сложно поставить под сомнение, лишь в группе сторонников либеральных взглядов весомую конкуренцию нынешнему президенту оказал М. Прохоров (30% и 18% соответственно).

Таблица 10. Кто может выдвинуться вместо В.В. Путина?*

Проголосую за	Консерваторы	Либералы	Националисты
Медведев	22	16	19
Рогозин	3	1	2
Шойгу	31	20	28
Иванов	2	4	1
Собянин	4	4	2.
Кудрин	2	5	2
Шувалов	1	1	0

* ВЦИОМ, декабрь 2013 г.

Если В.В. Путин не станет выставлять свою кандидату на очередных президентских выборах, его место в избирательных списках практически однозначно займет кто-то иной, представляющий партию власти, и, скорее всего, это будет один кандидат. Кто из нынешнего окружения Путина в наибольшей степени подходит на роль его преемника? Здесь мы видим довольно близкие результаты – во всех группах лидирует С.К. Шойгу, второе место занимает Д.А. Медведев (таблица 10).

Эти и другие данные заставляют предположить, что идеологическое размежевание, ценностная поляризация, характерная для последних двух лет, в большей степени касается отношения к символам, не всегда играющим существенную роль в реальной жизни, а последняя, в свою очередь, гораздо в большей степени ценностно однородна, чем может показаться при анализе декларативных, парадных приоритетов сегодняшних россиян.

Литература

- Бызов Л.Г. (2001) Контуры постпереходной эпохи // Социологические исследования. № 2.
 Бызов Л.Г. (2002) Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. № 1.
 Бызов Л.Г. (2005) В России ценят справедливость // Политический журнал. № 15.
 Бызов Л.Г. (2010) Неоконсервативная волна в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России. № 1. С. 3–44.

- Бызов Л.Г. (2013) Идеиные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011–2012 гг. // Опыт исследования электорального поведения россиян, ВЦИОМ. Москва.
- Верховные консерваторы в антиконсервативном обществе (2014) // Ведомости. 21 января 2014 г. // <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/21586891/suverennyj-konservatizm>
- Электоральная панель ВЦИОМ (2013) // Единый архив экономических и социологических данных // <http://www.sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=174&en=0>
- Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. (ред.) (2013) О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир.
- Дмитриев М. (2012) Политический кризис в России: варианты развития // Эхо Москвы. 28 мая 2012 г. // <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/892892-echo/>
- Зубаревич Н.В. (2011) Чего ждать четырем Россиям // Ведомости. 30 декабря 2011 г. // http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii
- Изменения политических настроений россиян после президентских выборов (2012) // Центр стратегических разработок // <http://www.csr.ru/index.php/ru/published-works/media/288-2012-10-23-14-37-20>
- Кончаловский А.С. (2013) В какого Бога верит русский человек // Российская газета. 10 апреля 2013 г. // <http://www.rg.ru/2013/04/10/vera.html>
- Левада Ю.А. (2004) Человек советский // Полит.ру // <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>
- Мангейм К. (1994) Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист.
- Марков С. (2012) Две повестки // Актуальные комментарии. Июль 2012 г. // <http://actualcomment.ru/daycomment/1020/>
- Мониторинг ИС РАН (2014). Проект «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политической деятельности» // <http://www.kommersant.ru/doc/2497915>
- Морозов А. (2014) Новый Коминтерн // Delfi.ru // <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amorozov-novuj-komintern-putin-prigotovilsya-k-bolshomu-pryzhku.d?id=63528674>
- Молитвенное стояние в Москве на Западе сочли «демонстрацией силы церкви в путинском государстве» (2012) // Newsru.com // http://www.newsru.com/religy/23apr2012/west_church.html
- Пелипенко А. (2013) Судьба русской матрицы // Руфабула // <http://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>
- Попов Э.А. (2005) Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону: Ростовский университет.
- Послание президента Федеральному собранию (2013): Путин противопоставил российский консерватизм западному хаосу // Piter.tv // http://piter.tv/event/Putin_protivopostavil_rossijskij_konservatizm_zapadnomu_haosu/
- Резниченко С. (2011) Поствеликороссы. Третий русский народ // АПН. Май 2011 // <http://www.apn.ru/publications/article24085.htm>
- Свобода или порядок – что предпочитают россияне? (2014) // Эхо Москвы. 8 февраля 2014 г. // <http://www.echo.msk.ru/programs/kulshok/1253190-echo/>
- Федоров В.В. (ред.) (2013) От плебисцита – к выборам: Как и почему россияне голосовали на выборах 2011-2012 гг. М.: Праксис.

SOCIETY AND POWER

“New Conservative Majority” as a Socio-Political Phenomenon

L. BYZOV*

* **Leontiy Byzov** – Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: Bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovskii St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: leontiy13@mail.ru

Abstract

Many Russian sociologists acknowledge the rise of conservative values ever since the late 1990s – the turning point most frequently identified as the year of economic default in 1998. However, until 2012 this trend was largely compensated by a strong influence of liberal values both in society as a whole and, to a greater extent, among the political elites. The ‘majority’, on which the authorities relied, could be most likely characterized as centrist, while the more radical groups of liberals and conservatives enjoyed only marginal support. A notable polarization began only a couple of years ago with increased protest activities in the winter of 2011-2012. Having begun more as a political technology aiming to polarize the disgruntled on ideological grounds, this trend soon had a life of its own. A ‘new conservative majority’ suddenly formed, becoming the new more radical support for those currently in power. The events around Crimea and Ukraine have shown that this conservative majority can easily support the radical actions of the state and its anti-West rhetoric.

This article draws on sociological data from surveys by IS RAN and VTsIOM, and attempts to investigate the social roots of this ‘conservative majority’, its inner heterogeneity, its representation of nationalists and liberals, as well as electoral preferences. It shows that the new conservatism is quite ambiguous in the sense that behind this conservative façade hides a consumerist society – far from being conservative in terms of its lifestyles and consumption patterns. This means that modern Russia’s conservatism is less a retreat to traditions (often proclaimed by the ideologists of this new course), rather it is an organic feature of a modern mass society, enjoying limited access to information and weak political competition. The article studies the dynamics of these values in the last 2-3 years and shows that this major ideological divide has been quite persistent. It is concluded that the ideology of aggressive conservatism could lead to even further ideological divide in society and pose a serious threat to social stability.

Keywords: conservatism, conservative majority, polarization of values, political radicalism, the middle class, the society of mass consumption, the state values, the electoral units

References

- Byzov L.G. (2001) Kontury postperekhodnoi epokhi [The Contours of the Post-Transition Era]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2.
- Byzov L.G. (2002) Sotsiokul'turnaya transformatsiya rossiiskogo obshchestva i formirovanie neokonservativnoi identichnosti [Socio-Cultural Transformation of Russian Society and the Formation of the Neoconservative Identity]. *Mir Rossii*, no 1.
- Byzov L.G. (2005) V Rossii tsenyat spravedlivost' [In Russia, Appreciate the Fairness]. *Politicheskii zhurnal*, no 15.
- Byzov L.G. (2010) Neokonservativnaya volna v sovremennoi Rossii: faza ocherednogo tsikla ili stabil'noe sostoyanie? ['Neo-Conservative Wave' in Contemporary Russia: A Phase of the Next Cycle or a Stable Stage?]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 3–44.
- Byzov L.G. (2013) Ideinye i tsennostnye aspekty politicheskoi bor'by v izbiratel'nom tsikle 2011–2012 gg. [Ideological and Value Aspects of Political Struggle in the Electoral Cycle 2011–2012]. *Opyt issledovaniya elektoral'nogo povedeniya rossiyan*, VTSIOM [Experience Studies Electoral Behavior of Russians. Russian Public Opinion Research Center], Moscow.
- Dmitriev M. (2012) Politicheskii krizis v Rossii: varianty razvitiya [The Political Crisis in Russia: Development Options]. *Ekho Moskvy*, 28 May 2012. Available at: <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/892892-echo/>
- Fedorov V.V. (ed.) *Ot plebistsita – k vyboram: Kak i pochemu rossiyanе golosovali na vyborakh 2011–2012 gg.* [From the Plebiscite-Elections: How and Why Russians Voted in the Elections of 2011–2012], Moscow: Praksis.
- Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E. (eds.) (2013) *O chem mechtayut rossiyanе: ideal i real'nost'* [The Dream of the Russians: Ideal and Reality], Moscow: Ves' mir.
- Izmeneniya politicheskikh nastroyenii rossiyan posle prezidentskikh vyborov (2012) [Changes in Political Attitudes of the Russians after the Presidential Election]. *Tsentr strategicheskikh razrabotok* [Center for Strategic Research Foundation]. Available at: <http://www.csr.ru/index.php/ru/published-works/media/288-2012-10-23-14-37-20>
- Konchalovskii A. (2013) V kakogo Boga verit russkii chelovek [In What God believes Russian People]. *Rossiiskaya gazeta*, 10 April 2013. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/10/vera.html>
- Levada Yu.A. (2004) Chelovek sovetskii [Soviet People]. *Polit.ru*. Available at: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>
- Mannheim K. (1994) Konservativnaya mysl' [Conservative Thought]. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time: Wartime Essays of a Sociologist], Moscow: Yurist.
- Markov S. (2012) Dve povestki [Two of the Agendas]. *Aktual'nye kommentarii*, July 2012. Available at: <http://actualcomment.ru/daycomment/1020/>
- Molitvennoe stoyanie v Moskve na Zapade sochli 'demonstratsiei sily tserkvi v putinskom gosudarstve' (2012) [Prayer Standing in Moscow in the West Considered “display of power in Putin’s State Church”]. *Newsru.com*. Available at: http://www.newsru.com/religy/23apr2012/west_church.html
- Monitoring Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* (2014) [Monitoring of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. The Project “Civil Activism: New Actors in Social and Political Activities”. Presentation of the project in June 2014. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2497915>
- Morozov A. (2014) Novyi Komintern [New Komintern]. *Delfi.ru*. Available at: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amorozov-novyj-komintern-putin-prigotovilsya-k-bolshomu-pryzhku.d?id=63528674>

- Pelipenko A. (2013) Sud'ba russkoi matrity [The Fate of Russian matrix]. *Rufabula*. Available at: <http://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>
- Popov E. (2005) *Russkii konservatizm: ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika* [Russian Conservatism: Ideology and Socio-Political Practice], Rostov-on-Don: Rostov State University.
- Poslanie prezidenta Federal'nomu sobraniyu (2013): Putin protivopostavil rossijskii konservatizm zapadnomu khaosu [Message from the President of the Federal Assembly: Putin Opposes Russian Conservatism West Chaos]. *Piter.tv*. Available at: http://piter.tv/event/Putin_protivopostavil_rossijskij_konservatizm_zapadnomu_haosu/
- Reznichenko S. (2011) Postvelikorossy. Trefii russkii narod [Postvelikorossy. The Third Russian People]. *APN*, May 2011. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article24085.htm>
- Svoboda ili poryadok – chto predpochitayut rossiiane? (2014) [Freedom or Order is That Russians Prefer?]. *Ekho Moskvy*, 8 February 2014. Available at: <http://www.echo.msk.ru/programs/kulshok/1253190-echo/>
- Verkhovnye konservatory v antikonservativnom obshchestve (2014) [Supreme Conservatives in nonconservative Society]. *Vedomosti*, 21 January 2014. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/21586891/suverennyj-konservatizm>
- WCIOM (RPORC - Russian Public Opinion Research Center) Electoral Panel Study (2013). *Joint Economic and Social Data Archive*. Available at: <http://www.sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=174&en=0>
- Zubarevich N. (2011) Chego zhdet' chetyrem Rossiyam [What to Expect Four Russias]. *Vedomosti*, 30 December 2011. Available at: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii